

Глава первая

Осень 1952-го

Ну ладно. Хотите историю — расскажу одну. Но только одну. И не просите добавки. Уже поздно, а у нас с тобой, Пари, завтра дальняя дорога. Тебе надо выспаться. И тебе, Абдулла. Я на тебя рассчитываю, малец, покуда нас с твоей сестрой не будет. И мать тоже рассчитывает. Ну что ж. Одна история. Слушайте оба, хорошенько слушайте. И не перебивайте.

Давным-давно, в те поры, когда бродили по земле *дэвы*, *джинны* и великаны, жил-был крестьянин по имени Баба Аюб. Жил он со своей семьей в маленькой деревне Майдан-Сабз. Большую семью надо было кормить, и Баба Аюб все дни проводил в тяжком труде. Каждый день работал он от зари до зари, пахал поле, копал землю и ходил за чахлыми своими фисташковыми деревьями. Во всякое время видали его в поле, склоненным в пояс, сгорбленным, как серп, каким он весь день махал. Руки у него были в мозолях и часто кровили, и всякую ночь сон забирал его, стоило донести щеку до подушки.

Скажу вам, в тех местах не один он такой был. В Майдан-Сабз трудно жилось всем обитателям. Селя-

нам с севера, из долины, повезло больше — там фруктовые деревья, цветы и воздух сладок, в ручьях вода студеная, чистая. А Майдан-Сабз было селеньем несчастным и нисколько не совпадало с картинкой, что представляется, когда слышишь ее название: Зеленое поле. На плоской равнине деревня лежала в кольце крутых гор. Ветер веял жаром и задувал пыль в глаза. Воду искать приходилось каждый день, потому что деревенские колодцы — даже самые глубокие — часто пересыхали. Да, река была, но к ней полдня пути, а вода круглый год текла в ней мутная. Через десять лет засухи и та река обмелела. Одним словом, люди в Майдан-Сабз работали вдвое тяжелее, а труды их давали половину того, что потребно для жизни.

И все же Баба Аюб считал, что ему повезло: была у него семья, которой дорожил он превыше всего. Он любил свою жену и ни разу голоса на нее не повысил, не то что руку поднял. Он ценил ее советы и от души радовался ее обществу. И детьми их благословило: было их столько, сколько пальцев на руке, — трое сыновей и две дочери, и каждое дитя он любил всем сердцем. Дочери его были прилежные, добрые, милого нрава и на хорошем счету у всех. Сыновей же он научил честности, отваге, дружбе и безропотному трудолюбию. Они слушались его, как и положено хорошим сыновьям, и помогали отцу на поле.

Но, хоть и любил он всех своих детей, сильнее остальных Баба Аюб втихаря обожал одного, младшего, по имени Кайс, — ему тогда исполнилось три года. Были у Кайса темно-синие глаза. Он очаровывал любого, кто видел его, своим бесовским смехом. А еще был он из тех мальчиков, у кого силы через край, но они и из других ее всю выпивают. Едва научившись ходить, он так полюбил это занятие, что

день-деньской, пока не спал, носился — а потом, вот незадача, еще и ночью, во сне. Не просыпаясь, выходил из глинобитного дома, где жила семья его, и брел в залитую луной тьму. Ясное дело, родители беспокоились. А вдруг в колодец упадет, или потеряется, или того хуже — нападет на него тварь из тех, что шныряют по равнине в ночи? Все перепробовали — ничто не помогает. В конце концов Баба Аюб нашел решение — самое простое, как оно частенько и бывает с лучшими затеями: снял маленький колокольчик с одной своей козы и повесил Кайсу на шнурке. Если Кайс проснется среди ночи, колокольчик разбудит кого-нибудь. Ночные блуждания вскоре прекратились, но Кайсу понравился колокольчик, и он расставаться с ним отказался. Вот так, хоть больше и не приносил задуманной пользы, колокольчик остался висеть на шее у мальчика. Когда Баба Аюб возвращался после целого дня трудов, Кайс несся навстречу отцу и утыкался лицом ему в живот, а колокольчик позвякивал при каждом его шажке. Баба Аюб вскидывал чадо на руки и нес в дом, а Кайс смотрел не отрываясь, как отец умывается, затем усаживался рядом с Бабой Аюбом ужинать. После еды Баба Аюб потягивал чай, глядел на свою семью и представлял, что придет день и все его дети женятся и заведут своих детей, и станет он гордым отцом еще большего семейства.

Увы, Абдулла и Пари, счастливые деньки Бабы Аюба подошли тогда к концу.

Однажды в Майдан-Сабз пришел дэв. Надвигался на деревню от гор, и земля содрогалась с каждым его шагом. Селяне побросали мотыги, топоры да лопаты и разбежались кто куда. Заперлись по домам, забились в углы. Оглушительный топот дэва умолк, и

ть его затмила небеса над Майдан-Сабз. Говорили, что на голове у него росли рога, жесткая черная шесть покрывала его плечи и мощный хвост. Говорили, что глаза у него горели красным. Никто не знал наверняка, понятное дело, — по крайней мере, никто из живых: дэв пожирал на месте любого, кто осмеливался хотя бы взглянуть на него. Селяне помнили об этом и предусмотрительно держали глаза долу.

Все знали, зачем дэв пришел к ним. Они слышали рассказы о его налетах на другие деревни и все изумлялись, как же повезло Майдан-Сабз, что дэв до сих пор обходил ее вниманием. Может, рассуждали они, нищая, скромная жизнь, какую они вели в Майдан-Сабз, сослужила им службу: детей удавалось кормить хуже, чем в других местах, и мяса у них на костях было меньше. Но увы, удача наконец отвернулась и от них.

Затрепетала Майдан-Сабз и затаила дыхание. Семья молилась, чтобы дэв обошел их дом стороной, ибо знали они: если постучится дэв к ним в крышу, придется отдать одного ребенка. Дэв сунет его в мешок, закинет на плечи и уйдет восвояси. Никто больше не увидит несчастное дитя. А если семья откажется отдать одного, дэв заберет всех отпрысков.

Куда же дэв утаскивал детей? К себе в крепость, что стояла на вершине крутой горы. Крепость его находилась очень далеко от Майдан-Сабз. Доли, несколько пустынь и два горных кряжа надо преодолеть, прежде чем там окажешься. Да и кто в своем уме пошел бы — на верную-то смерть? Говорили, что в крепости полно подземелий, где по стенам развешены мясницкие ножи. С потолка спускаются крюки для туш. Говорили, там ямы с огнем, а над ними вертела. Говорили, что если дэв ловил чужака в своих

владениях, он мог и преодолеть свое отвращение к мясу взрослых.

Наверное, вы поняли, в чью крышу страшно постучал дэв. Услышав его, Баба Аюб страдальчески закричал, а жена лишилась чувств. Дети заплакали от ужаса — и от тоски, потому что знали: одного среди них неминуемо потеряют. Семье предстояло до рассвета принести жертву.

Как описать мне мученья, что пережили той ночью Баба Аюб и жена его? Ни одному родителю да не придется делать такой выбор. Подальше от детских ушей Баба Аюб и жена его судили-рядили, как им быть. Говорили да плакали, говорили да плакали. Всю ночь ходили они взад-вперед по дому, рассвет близился, и пора уж было им принять решение: дэв так все подстроил, наверное, для того, чтобы их сомнения позволили ему отнять не одного, а всех пятерых детей. Наконец собрал Баба Аюб у крыльца пять камней одинаковой формы и размера. На каждом написал имя одного ребенка, а потом засунул все в джутовый мешок. Протянул его жене, та отшатнулась, будто держал он в руках ядовитую змею.

— Не могу, — сказала она мужу, помотав головой. — Я не могу выбирать. Не вынесу.

— И я, — начал было Баба Аюб, но посмотрел в окно и понял, что солнце того и гляди появится из-за восточных холмов. Времени оставалось мало. Горестно взирал он на своих пятерых детей. Чтоб спасти руку, придется отсечь палец. Закрыв он глаза и вытянул камень из мешка.

Наверное, вы поняли и то, какой именно камень вытащил Баба Аюб. Как увидел имя на нем, воздел он лицо к небесам и взвыл. Разбилось сердце его, и взял он на руки младшего, а Кайс, слепо веря отцу,

радостно обвил ручонками его шею. И лишь когда Баба Аюб вынес его из дома и закрыл за ним дверь, понял мальчик, что произошло, а Баба Аюб стоял зажмурившись, и слезы текли у него из глаз, и любимый сын его молотил кулачками в дверь, плакал и просил впустить его, и Баба Аюб шептал: «Прости меня, прости меня», — и земля содрогалась от поступи *дэва*, и завизжал ребенок, а земля все тряслась, покуда *дэв* уходил из Майдан-Сабз, но вот все стихло, и в тишине этой рыдал Баба Аюб и все просил Кайса о прощении.

Абдулла, твоя сестра уснула. Прикрой ей ноги одеялом. Вот так. Хорошо. Может, хватит на сегодня? Нет? Хочешь дальше слушать? Ты уверен, малец? Ну ладно.

На чем я остановился? Ах да. Сорок дней скорби. И каждый день соседи готовили еду всей их семье и ухаживали за ней. Люди несли что могли: чай, сласти, хлеб, миндаль, а еще — сочувствие и сострадание. Баба Аюб даже благодарить их мог с трудом. Сидел в углу и рыдал, и слезы катились из глаз его, словно хотел он прекратить деревенскую засуху. Таких мучений и злейшему из людей не пожелаешь.

Прошло несколько лет. Засуха не кончалась, и Майдан-Сабз погрязла в еще большей нищете. Несколько младенцев померло от жажды прямо в колыбелях. Колодцы совсем обмелели, и высохла река — но не страдания Бабы Аюба: эта река все набухала, с каждым прожитым днем. Семье от него не стало никакого проку. Он не работал, не молился, почти не ел. Жена и дети умоляли его прийти в себя, но все без толку. Оставшимся сыновьям пришлось трудиться вместо него, потому что Баба Аюб ничего не делал, лишь сидел на краю своего поля, одинокий, несчаст-

ный, и глядел на горы. Он перестал разговаривать с соседями — уверился, что они сплетничают за его спиной. Мол, трус он и по своей воле отдал сына. Негодный он, дескать, отец. Настоящий отец стал бы биться с *дэвом*. Сгинул бы, защищая семью.

Как-то вечером он поделился этим с женой.

— Не говорят ничего такого они, — ответила жена. — Никто не считает тебя трусом.

— Я же слышу, — сказал он.

— Это ты свой голос слышишь, муж мой, — ответила жена. Однако не сказала ему, что селяне и *впрямь* болтали за его спиной. Но говорили они, что он, быть может, умом тронулся.

И вот однажды он сам подтвердил эти слухи. Встал на рассвете. Жене и детям ничего не сказав, сложил сколько-то хлебных корок в джутовый мешок, натянул башмаки, заткнул за пояс косу и ушел.

Шел он много-много дней. Шел, покуда не гасло и блеклое красное сияние солнца вдали. Ночами спал в пещерах, а снаружи свистел ветер, — или у рек под деревьями, или скрывался меж валунов. Ел хлеб, а потом все, что мог найти, — дикие ягоды, грибы, рыбу, какую ловил руками в ручьях, а иногда и ничего не ел. И все шел да шел. Бывало, какой-нибудь путник спрашивал, куда он идет, он отвечал, и кто-то принимался смеяться, кто-то спешил прочь, боясь, что встретил безумного, а кто-то молился за него — если и у них *дэв* отнял ребенка. Баба Аюб головы не поднимал, а все шагал вперед. Когда башмаки его сносились, он привязал их к ногам веревками, а когда веревки порвались, отправился дальше босым. И так прошел он пустыни, доли и горы.

Наконец добрался он к той горе, где на вершине стояла крепость *дэва*. Так жаждал он свершить заду-

манное, что не стал отдыхать, а сразу взялся лезть вверх, одежда — в лохмотья, ноги — в кровь, волосы спеклись от пыли, но решимость его была непоколебима. Острые камни рвали ему пятки. Ястребы клевали ему щеки, когда он карабкался мимо их гнезд. Жестокие ветры чуть не сбили его с горного склона. А он все лез и лез, с камня на камень, пока не оказался перед здоровенными крепостными воротами.

Кто посмел? — прогремел голос *дэва*, когда Баба Аюб швырнул камень в ворота.

Баба Аюб назвал свое имя.

— Я пришел из деревни Майдан-Сабз, — сказал он. Ищешь себе погибели? Уж наверняка, раз тревожишь меня в жилище моем! Чего тебе надо?

— Я пришел убить тебя.

По ту сторону ворот воцарилось молчание. Затем они со скрежетом открылись и показался *дэв*. Он навис над Бабой Аюбом во всем своем адском величии.

Ой ли? — сказал он голосом, что громовые раскаты.

— Точно, — ответил Баба Аюб. — Одному из нас сегодня погибнуть, верное дело.

На миг показалось, что *дэв* сметет Бабу Аюба с лица земли, — тот *дэву* на один укус, зубы у чудища острые, как стилеты. Но отчего-то медлило чудище. *Дэв* прищурился. Может, безумные слова старика поразили его. Может, сам вид его — лохмотья, лицо в крови, пыль, что покрывала его с головы до пят, раны по всему телу. А может, *дэв* не увидел в глазах этого человека и следа страха.

Откуда, говоришь, ты?

— Майдан-Сабз, — ответил Баба Аюб.

Далеко этот Майдан-Сабз, должно быть, — судя по твоему виду.

— Я не затем сюда пришел, чтоб ты мне зубы заговаривал. Я пришел, чтобы...

Дэв вскинул когтистую лапу. Да, да. Ты пришел меня убить. Знаю. Но ты же позволишь мне сказать несколько слов, прежде чем прикончить меня.

— Ладно, — сказал Баба Аюб. — Но лишь несколько.

Благодарю тебя. *Дэв* ослабился. Могу я спросить, что же за зло такое я тебе причинил, что смерть на себя накликал?

— Ты забрал моего младшего сына, — ответил Баба Аюб. — Он был самое дорогое для меня на всем свете.

Дэв хмыкнул и почесал подбородок. Я многих детей отнял, у многих отцов, — промолвил он.

Баба Аюб в гневе схватился за серп:

— Тогда я отомщу за них всех.

Должен сказать, твоя храбрость пробуждает во мне восхищенье.

— Ничего ты не знаешь о храбрости, — ответил Баба Аюб. — Чтоб быть храбрым, нужно иметь что терять. А мне терять нечего.

У тебя есть жизнь, — сказал *дэв*.

— Ты уже отнял ее у меня.

Дэв снова хмыкнул и задумчиво оглядел Бабу Аюба. А чуть погодя сказал: Ну что ж, будь по твоему. Сразимся. Но сначала пойдем со мной.

— Шевелись, — сказал Баба Аюб, — у меня иссякает терпение.

Но *дэв* уже шагал к громадному входу в крепость, и Бабе Аюбу пришлось двинуться за ним. Он проследовал за *дэвом* по лабиринтам коридоров, и своды

каждого почти доставали до облаков и возлежали на великанских колоннах. Они миновали многие лестницы и залы — в любом поместилась бы вся Майдан-Сабз. Так шли они, покуда *дэв* не привел их в обширную залу, а дальнюю стену ее загораживал занавес.

Иди ближе, — позвал *дэв*.

Баба Аюб встал рядом.

Дэв отдернул занавес. За ним оказалось стеклянное окно. В нем Баба Аюб увидел бескрайний сад. Шеренги кипарисов обрамляли его, а земли его усыпали цветы всех оттенков. Были там пруды, выложенные синими плитками, мраморные террасы и сочные зеленые лужайки. Баба Аюб разглядел изящные изгороди и фонтаны, ворковавшие в тени гранатовых деревьев. И за три жизни не смог бы он представить места прекраснее.

Но сразило Бабу Аюба, когда увидел он детей — они бегали и резвились в саду. Гонялись друг за дружкой по дорожкам, вокруг деревьев. Баба Аюб поискал глазами — и нашел. Он был там! Его сынок, Кайс, живой и более чем здоровый. Он подрос, и волосы у него теперь стали длинные. На нем была красивая белая сорочка и отличные штаны. Он счастливо смеялся и носился за парой своих друзей.

— Кайс, — прошептал Баба Аюб, и стекло запотело от его дыхания. И закричал он имя своего сына.

Он тебя не слышит, — сказал *дэв*. — И не видит.

Баба Аюб запрыгал, замахал руками, замолотил по стеклу, но *дэв* задернул полог.

— Не понимаю, — сказал Баба Аюб. — Я думал...

Это тебе награда, — сказал *дэв*.

— Растолкуй! — воскликнул Баба Аюб.

Я заставил тебя пройти испытание.

— Испытание.

Испытание твоей любви. Да, жестокая проверка, и чего она тебе стоила, я тоже вижу. Но ты ее прошел. Вот твоя награда. И его.

— А если б я не выбрал его? — закричал Баба Аюб. — А если б я отказался от твоей проверки?

Тогда все твои дети сгинули бы, — ответил *дэв*, — потому что они все равно прокляты — дети слабого человека. Труса, что выбирает смерть для всех своих детей, лишь бы не обременять совесть. Ты сказал, что нет в тебе храбрости, но я вижу ее в тебе. Ты сделал такое — такую ношу принял на себя, а это требует храбрости. И за это я тебя уважаю.

Баба Аюб насилу поднял серп, но тот выпал из рук, громко лязгнул на мраморном полу. Колени у старика подогнулись, и пришлось ему сесть.

Твой сын не помнит тебя, — продолжил *дэв*. — Его жизнь теперь — тут, и ты видел своими глазами, как он счастлив. Его кормят лучшей едой, облачают в лучшие одежды, с ним дружат, его любят. Его учат искусствам и языкам, а также мудрости и великодушию. Он ни в чем не нуждается. Однажды он вырастет и решит уйти в мир — и будет волен это сделать. Полагаю, многие жизни он осенит своей добротой и принесет счастье тем, кто сражен печалью.

— Я хочу его увидеть, — вымолвил Баба Аюб. — Хочу забрать его домой.

Правда?

Баба Аюб глянул на *дэва*.

Чудище потянулось к комоду, что стоял рядом с занавесом, и достало из ящика песочные часы. Знаешь, что это такое, Абдулла, — песочные часы? Знаешь. Хорошо. Так вот.. *Дэв* достал песочные часы, перевернул их и поставил к ногам Бабы Аюба.